

Научная статья
УДК: 343.985.7

ТИПОЛОГИЯ ДРОППЕРОВ КАК ФИГУРАНТОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Игорь Николаевич Волосевич

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва,
Российская Федерация, 89151333377in@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматривается дропперство как самостоятельный вид преступной деятельности, получивший уголовно-правовое закрепление после внесения изменений в статью 187 УК РФ. Особое внимание уделено необходимости разработки криминалистической методики расследования таких преступлений через призму личности дроппера как центрального элемента. На основе обобщения научных подходов и анализа судебной практики автор предлагает многоуровневую классификацию дропперов: по степени осознания противоправности действий (разводные, неразводные, частично разводные), по видам поддерживаемой преступности (наркоторговля, мошенничество, экстремизм), по функциональной роли (обнальщики, транзитники, заливщики), а также по механизму перемещения средств (наличные, мулы, цифровые активы, фиктивные фирмы). В качестве инновационного элемента представлена социально-экономическая классификация дропперов: маргиналы, фрилансеры и социально незащищённые лица (пенсионеры, мигранты, несовершеннолетние). Каждая из этих групп характеризуется специфическим уровнем правосознания, степенью вовлечённости, мотивацией и уязвимостью к криминальному влиянию. Обоснована актуальность персонифицированного подхода в расследовании и профилактике дропперских преступлений, с акцентом на правовую дифференциацию вины и поведенческую типологию фигурантов.

Ключевые слова: дроппер, дропперство, уголовная ответственность, мошенничество, наркобизнес, финансирование экстремизма, классификация дропперов, криминалистическая характеристика, FATF, цифровая преступность, криминальная экономика

Для цитирования: Волосевич, И. Н. Типология дропперов как фигурантов криминальной экономики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 36. № 4. С. 32–45.

TYPOLOGY OF DROPPERS AS FIGURES IN THE CRIMINAL ECONOMY

Igor N. Volosevich

Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation,
89151333377in@gmail.ru

Abstract. The article considers dropper as an independent type of criminal activity, which received criminal-legal consolidation after amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the need to develop a forensic methodology for investigating such crimes through the prism of the dropper's personality as a central element. Based on a generalization of scientific approaches and an analysis of judicial practice, the author proposes a multi-level classification of droppers: by the degree of awareness of the illegality of actions (divorce, non-divorce, partially divorced), by types of supported crime (drug trafficking, fraud, extremism), by functional role (cashiers, transit, fillers), as well as by the mechanism of movement of funds (cash, mules, digital assets, fictitious firms). As an innovative element, a socio-economic classification of droppers is presented: marginals, freelancers and socially vulnerable persons (pensioners, migrants, minors). Each of these groups is characterized by a specific level of legal awareness, degree of involvement, motivation and vulnerability to criminal influence. The relevance of a personalized approach to the investigation and prevention of dropper crimes is substantiated, with an emphasis on the legal differentiation of guilt and the behavioral typology of the defendants.

Keywords: dropper, dropper, criminal liability, fraud, drug business, financing of extremism, classification of droppers, forensic characteristics, FATF, digital crime, criminal economy

For citation: Volosevich I. N. Tipologiya dropperov kak figurantov kriminal'noy ekonomiki [Typology of droppers as figures in the criminal economy]. Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025, vol. 36, no 4, pp. 32–45 (in Russ.).

Введение

В связи с принятием поправок в статью 187 УК РФ, установившей отдельную уголовную ответственность за дропперство, перед учёными уголовно-правового сектора встаёт вопрос о необходимости формирования методики раскрытия и расследования данного нового вида преступления. Свой вклад в становление новой криминалистической методики мы внесём путём рассмотрения характеристик личности дроппера как ключевого элемента криминалистической характеристики.

В современных условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации преступных моделей, дроппер становится не просто техническим участником преступной схемы, а важнейшим звеном, обеспечивающим функционирование

криминальной экономики. Его роль выходит за рамки формального посредничества – дроппер активно участвует в обналичивании, сокрытии следов, трансграничных транзакциях и цифровой маскировке преступных доходов. При этом он может действовать как осознанно, так и находясь в состоянии заблуждения, что создаёт дополнительные сложности для правовой оценки и доказывания субъективной стороны преступления.

Учитывая высокий уровень латентности подобных преступлений, а также социальное и профессиональное разнообразие лиц, вовлечённых в дропперские схемы, исследование психологических, социальных, криминологических и поведенческих характеристик дропперов приобретает особое значение. Это позволяет не

только выстраивать эффективные следственные версии, но и разрабатывать меры профилактики и правового реагирования, адаптированные под конкретные категории дропперов.

Свой вклад в становление новой криминалистической методики мы внесем путем рассмотрения характеристик личности дроппера как ключевого элемента криминалистической характеристики.

Основная часть

Несмотря на недавнюю криминализацию дропперства, научная литература содержит множество классификаций дропперов.

К. Е. Волкова и О. С. Цвигунова предлагают классификацию дропперов по степени осведомлённости о преступном характере деятельности, подразделяя их на:

- «неразводных», т. е. осведомленных о криминальной составляющей своей деятельности и действующих добровольно и умышленно;
- «разводных», т. е. не осознающих преступный характер своих действий [1, с.17].

Данную классификацию дополнил А. Б. Латышев категорией «частично разводной» – когда дроппер понимает характер действий, но заблуждается относительно их цели [2, с.493]. Например, молодой человек получает в мессенджере предложение подработки: открыть банковскую карту на своё имя, передать её «работодателю» и получать за это фиксированную сумму ежемесячно. Ему объясняют, что карта нужна для «оптимизации налогообложения» или для «обхода комиссий» на фриланс-биржах. Он понимает, что такие действия могут быть незаконными, например, нарушать банковские правила, но предполагает, что максимум, что ему грозит – это блокировка карты или санкции со стороны банка. На деле же через эту карту проходят

средства, похищенные у граждан при помощи фишинговых схем. Таким образом, дроппер участвует в легализации похищенного имущества, но ошибается в оценке целей организаторов и масштаба последствий.

Такие частично разводные дропперы характерны для категории молодёжи, студентов и фрилансеров, ищащих «лёгкий заработка» и воспринимающих схемы как «серые, но не опасные». Именно эта группа создаёт серьёзные сложности для следствия при оценке степени субъективной вины и характера участия в преступной деятельности.

Дропперство может быть классифицировано по видам поддерживаемой преступности, что является обоснованным как с криминологической, так и с уголовно-правовой точки зрения, поскольку дроппер, по своей сути, представляет собой вспомогательное звено в реализации чужой преступной деятельности. Его функции – обналичивание, транзит, сокрытие следов денежных потоков – напрямую зависят от того, какое базовое преступление он обслуживает. В этом контексте выделяются по меньшей мере три устойчивых направления:

1. Наркодропперство. Это дропперство, обслуживающее незаконный оборот наркотиков, в первую очередь в даркнете или телеграмм-каналах. Дропперы используются:

- для приема оплаты за наркотические средства (в криптовалюте или рублёвом эквиваленте);
- для конвертации средств через цепочку электронных кошельков и банковских карт;
- для обналичивания денег, поступающих от покупателей запрещённых веществ [3, с.506].

Особенность такого вида дропперства – высокий уровень конспирации, использование анонимных платёжных систем и активное вовле-

чение фрилансеров как технических посредников. Учитывая значительный общественный вред, данный тип должен рассматриваться как квалифицирующий признак, усиливающий общественную опасность дроппера.

2. Дропперство, обслуживающее мошенничество и финансовую преступность. Это наиболее массовая и социально заметная форма, в которую вовлечены как разводные, так и сознательные дропперы. Основные схемы:

- банковские мошенничества (телефонные, фишинг, «сотрудник безопасности банка»);
- фейковые инвестиции;
- продажа несуществующих товаров;
- обналичивание преступных доходов;
- обман с возвратами, социальными выплатами и онлайн-кредитами [4, с.177].

Дроппер в этой системе получает переводы от жертв и выполняет операции по переводу или снятию средств. Он может как осознавать участие в преступлении, так и заблуждаться относительно характера «работы». Особую сложность представляет ситуация, когда дроппер сам является жертвой мошенничества, не подозревая о своей роли.

3. Дропперство, связанное с экстремизмом и терроризмом.

Речь идет о схемах финансирования экстремистской и террористической деятельности, маскируемых под благотворительность, сборы на гуманитарную помощь или краудфандинг. Дропперы здесь:

- оформляют счета и криптовалютные кошельки;
- участвуют в распределении и трансграничном переводе средств;
- помогают скрыть источник финансирования [5, с.140].

Такие случаи фиксируются в уголовных делах, связанных со ст. 205.1-

205.5 УК РФ (терроризм), а также ст. 282.1–282.3 УК РФ (экстремизм). Их особенность – высокая степень конспирации и идеологической мотивации со стороны организаторов. Дропперы могут быть вовлечены под видом «волонтёров», «миссионерства» и пр.

Следующая классификация по функциональной роли в преступной схеме предложена Е. Л. Чеклауковой, А. М. Ахатовой [6, с. 1080] и другими авторами [7, с.775], по мнению которых «выделяются «обнальщики», «транзитники» и «заливщики». Первые самостоятельно обналичивают денежные средства. «Транзитники» принимают денежные средства на свой счет, а дальше переводят их сторонним лицам по указанию мошенников. «Заливщики» получают наличные денежные средства от других таких же дропов, вносят их к себе на счет и отправляют по цепочке «транзитнику» [8, с.372].

Отдельно следует выделить классификацию дропперов, выделенную Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF) – международной межправительственной организации, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма¹ и освещенную в

¹ FATF (2023), Crowdfunding for Terrorism Financing, FATF, Paris, Электронный ресурс. – URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/Methodsandtrends/crowd-funding-for-terrorism-financing.html> (дата обращения: 25.08.2025); FATF – Interpol - Egmont Group (2023), Illicit Financial Flows from Cyber-Enabled Fraud, FATF, Paris, France, Электронный ресурс. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/fatf-gafi/en/publications/Methodsandtrends/illicit-financial-flows-cyber-enabled-fraud.html> (дата обращения: 25.08.2025)

отечественной науке Т. Г. Жуковой и К. А. Долгополовым [9, с.552].

Она основана на механизмах перемещения преступных средств. Эта типология позволяет выявить ключевые логистические звенья в отмывании, обналичивании и маскировке денежных потоков, в которых дропперы играют обслуживающую, но критически важную роль. Классификация включает четыре основные категории: сети перевозчиков наличности, денежные мулы, цифровые каналы и посреднические юридические структуры.

Первая группа – это сети перевозчиков наличности, в которых дропперы используются для физического перемещения денежных средств. Они транспортируют крупные суммы наличных между регионами, странами или отдельными участниками схемы, зачастую при помощи тайников, укрытий или скрытых логистических каналов. Такой механизм типичен для наркобизнеса, теневого рынка оружия, коррупционных схем. Он сопряжён с высокими рисками, требует от дроппера минимальной грамотности, но максимальной готовности к риску и подчинению организатору.

Вторая категория – сети денежных мулов, которая включает наиболее массовый и социально разнородный тип дропперов. Это частные лица, предоставляющие свои банковские карты, счета, платёжные приложения или электронные кошельки. Они принимают средства от жертв (например, в мошеннических схемах) и либо переводят их дальше, либо обналичивают. Таких дропперов часто вербуют через соцсети, мессенджеры и псевдоработодателей. Они могут действовать как осознанно, так и в состоянии заблуждения. Эта группа наименее устойчива, но наиболее массово используется в схемах киберпреступности.

Третья группа – сети цифровых валют, включающая дропперов, работающих с криптовалютами. Эти лица, как правило, обладают определёнными техническими навыками и вовлечены в трансформацию и «промывку» средств через цифровые активы. Они открывают анонимные кошельки, используют микшеры, DeFi-платформы, P2P-обменники, проводят цепочки транзакций с криптовалютами и токенами. Даный вид дропперства наиболее актуален для схем транснационального характера, включая даркнет-торговлю, кибермошенничество и финансирование экстремистской деятельности.

Четвёртая категория – это посреднические сети, основанные на фиктивных фирмах и индивидуальных предпринимателях. Здесь дропперы выступают не как физические лица, а как формальные собственники или управляющие юридическими структурами. Через такие фирмы оформляются фиктивные договоры, генерируются искусственные финансовые потоки и создаётся видимость законной предпринимательской деятельности. Этот механизм чаще используется в масштабных схемах легализации и обналичивания, требует высокого уровня координации и, как правило, применяется организованными преступными группами.

Таким образом, классификация дропперов по механизму перемещения средств позволяет не только систематизировать их по функциям и степени вовлечённости в преступную деятельность, но и выстроить логически обоснованную модель криминальной инфраструктуры. Такой подход важен как для правоохранительной аналитики и расследований, так и для разработки профилактических мер, направленных на разрушение каналов финансирования преступности.

На наш взгляд, современное дропперство как отдельный вид криминального заработка, ставший неотъемлемой частью преступной экономики, по социально-экономическим характеристикам можно разделить на три группы: маргиналы, фрилансеры, социально незащищенные группы населения. Поскольку законодатель избрал путь установления самостоятельной уголовной ответственности за дропперство, вместо квалификации таких действий как формы соучастия в преступлении, основной целью этого является не столько борьба с конкретным видом криминального поведения (мошенничества и иных форм хищений), сколько с уничтожением инструментария преступной экономики (по аналогии с легализацией преступных доходов). Поэтому в основу данной классификации положены основные социально-экономические причины данного явления – маргинализация населения, неконтролируемый в условиях цифровой экономики рынок труда и финансов, низкая правовая и цифровая грамотность населения.

Предлагаемая криминологическая характеристика составлена на основе анализа 158 приговоров суда по делам о хищениях, размещенных на сайте <https://sudact.ru/>, а также более чем 120 публикаций отечественных ученых и специалистов, посвященных современным формам и методам хищений за последние 5 лет по результатам поиска на сайте www.elibrary.ru.

Маргинальные дропперы – это чаще всего мужчины в возрасте от 18 до 35 лет, однако в последние годы наблюдается рост вовлечённости и женщин, особенно в роли исполнителей несложных транзакций и операций по обналичиванию денежных средств. Уровень образования у таких лиц, как правило, не превышает

среднего общего; часто отсутствует базовая правовая и цифровая грамотность. Социальное положение – крайне нестабильное: это безработные, лица без постоянного места жительства, бывшие осуждённые, а также лица, живущие за счёт случайных заработков или на грани выживания. Их род занятий, если он есть, как правило, сопряжён с низкой оплатой, тяжёлыми условиями труда и времененным характером (строительство, черновая работа, услуги доставки). Отсутствие постоянной занятости, как и включённости в устойчивые социальные институты (семья, трудовой коллектив), делает их особенно уязвимыми к вербовке в дропперские схемы. Нестабильные семейные связи или их полное отсутствие также создают предпосылки для девиантного поведения, поскольку нет сдерживающих факторов со стороны близких людей.

Маргинальные лица, вовлечённые в схемы с использованием электронных средств платежа, чаще всего выступают пособниками в совершении таких преступлений, как мошенничество (ст. 159.3 УК РФ), кража с банковского счёта (ст. 158 УК РФ), а также легализация доходов, полученных преступным путём (ст. 174 УК РФ). В большинстве случаев они совершают преступления впервые или случайно, однако при регулярных контактах с преступной средой возможен переход к систематическому участию. Форма вины – в основном прямой или косвенный умысел; в случае с «разводными» дропами может иметь место ошибка в правовой оценке своих действий. Мотив и цель предсказуемы – корысть, стремление к получению денег «без усилий». Поведение после совершения преступления варьируется: часть лиц уклоняется от следствия и суда, некоторые сотрудничают со следствием, осознавая масштаб последствий. Пре-

ступления совершаются при отсутствии планирования, под давлением обстоятельств или по указанию третьих лиц.

Отношение к базовым социальным ценностям у маргинальных дропперов в подавляющем большинстве случаев утилитарное или безразличное. Они не придают значения общественному ущербу, который причиняют их действия, проявляют равнодушие к судьбе потерпевших, а социальные институты (семья, труд, родина) воспринимаются ими как не имеющие реальной значимости. Нередко можно наблюдать пренебрежение к труду как источнику дохода и склонность к поиску «лёгких» денег. Отношение к правовым ценностям у таких лиц деформировано: они либо отрицают закон как справедливую норму, либо воспринимают участие в преступных схемах как способ выживания. Некоторые демонстрируют циничное или ироничное отношение к факту уголовного преследования, не испытывая раскаяния.

Интеллектуальный уровень таких лиц, как правило, низкий или ограниченный; кругозор беден, интересы примитивны, жизненный опыт часто сводится к выживанию в условиях социальной нестабильности. Эмоциональные особенности включают в себя повышенную возбудимость, импульсивность, слабую способность к сопереживанию, быструю смену настроений. Характерны тревожность, недоверие к окружающим и слабая способность к саморефлексии. Волевые качества развиты слабо: преобладает неспособность к планированию, низкая выдержка, податливость внешнему давлению. В связи с этим такие лица легко втягиваются в противоправные схемы, поддаются манипуляциям со стороны организаторов и, как правило, не способны сопротивляться внешнему воздействию.

Таким образом, маргинальные дропперы представляют собой особую криминологическую группу, характеризующуюся совокупностью социальной неустроенности, нравственной дезориентации, психологической нестабильности и низкого правового сознания. Эти лица нередко выступают «расходным материалом» в схемах, организованных более опытными и технически оснащёнными участниками преступного сообщества. Для правоохранительных органов они одновременно представляют как угрозу, так и объект превентивного воздействия – через меры ресоциализации, контроля и просвещения.

Фрилансеры, вовлекаемые в дропперские схемы, представляют собой социально неоднородную категорию, но чаще всего это молодые люди в возрасте от 20 до 35 лет, мужчины и женщины в примерно равной пропорции. Уровень образования варьируется от среднего специального до высшего, часто в сфере информационных технологий, дизайна, медиа или маркетинга. Род занятий – удалённая работа без стабильного трудового контракта, в том числе на международных платформах. Социальное положение, с одной стороны, может выглядеть внешне стабильным (наличие дохода, независимость), но с другой – нестабильность заказов, отсутствие социальной защиты и правовой определённости создают объективные предпосылки для привлечения к теневым схемам. Семейное положение также может способствовать риску – многие фрилансеры ведут изолированный образ жизни, что ограничивает влияние семьи как профилактического института.

Фрилансеры могут быть вовлечены в более «технически сложные» формы дропперства. Они используются как создатели или администра-

торы фишинговых сайтов, разработчики скриптов для автоматизации обналичивания прокладки для криптовалютных транзакций, оформители фиктивных договоров оказания услуг. Объект преступного посягательства – собственность, финансовые активы, электронные платёжные средства. Участие может быть как случайным (по незнанию, в рамках «заказа»), так и осознанным, с целью получения стабильного дохода вне рамок закона. Нередко наблюдается косвенный умысел: фрилансер «не интересуется», куда уйдёт созданный им цифровой продукт. Поведение после преступления варьируется: кто-то готов сотрудничать со следствием, кто-то активно уничтожает следы своей причастности, уезжает за границу или уходит в даркнет.

Фрилансеры как дропперы зачастую не отождествляют свою деятельность с преступлением в силу искажённого отношения к правовым и социальным ценностям. При наличии технической грамотности может отсутствовать развитое правосознание. В случае осознанного участия в противоправной деятельности фиксируется прагматическое, утилитарное отношение к закону – он воспринимается как «ограничение возможностей», а не как мера справедливости. Нередки случаи, когда фрилансер воспринимает своё участие как «нейтральную услугу», особенно если преступление совершается против банков или иностранных платформ. Отношение к социальной ответственности слабо выражено, особенно у лиц, работающих в изоляции от онлайн-сообществ.

У фрилансеров как дропперов интеллектуальный уровень, как правило, средний и выше среднего. Они обладают высоким уровнем цифровой компетентности, техническими знаниями и развитой способностью к самообучению. Однако при этом ча-

сто отмечается узость профессиональной специализации, склонность к рациональному мышлению в ущерб этическому. Эмоциональные особенности включают замкнутость, низкую эмпатию, высокую стрессоустойчивость, возможна выраженная интроверсия. Волевые качества у них хорошо развиты: они способны к концентрации, самостоятельной постановке целей и длительной работе. Однако при отсутствии внешнего контроля эти качества могут быть направлены на систематическое участие в криминальных схемах. Высокая саморегуляция и дистанционность позволяют избегать личного контакта с организаторами, обеспечивая высокий уровень конспирации.

Фрилансеры как дропперы представляют собой новый, технологически продвинутый тип соучастников в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Они отличаются высокой компетентностью, правовой размытостью в оценке своих действий и возможной криминальной устойчивостью. Их вовлечение в преступные схемы часто носит не эмоциональный, а профессиональный и прагматический характер. Для правоохранительных органов изображение дропперов-фрилансеров представляет особую трудность: в отличие от маргиналов, они технически грамотны, юридически подкованы и труднодоступны как для вербовки, так и для профилактики. В условиях цифровизации преступности фрилансеры могут играть ключевую роль в обеспечении инфраструктуры дропперских операций, оставаясь при этом в «серой зоне» правового регулирования.

Дропперы, как правило, относятся к социально незащищенным слоям населения и делятся на три группы:

пенсионеров, трудовых мигрантов² и несовершеннолетних³. Несмотря на различие в возрасте и статусе, их объединяет общий фактор – социальная незащищённость. Пенсионеры – это преимущественно женщины и мужчины старше 60 лет с невысоким уровнем дохода и низкой цифровой грамотностью.

Мигранты – чаще мужчины в возрасте от 20 до 45 лет, с базовым образованием, слабым знанием русского языка и законодательной базы РФ.

По сведениям Центрального банка, каждый месяц около 80 тыс. человек в России становятся дропперами, которых используют мошенники для достижения своих целей. Соответствующие данные привела заместитель председателя Центробанка РФ Ольга Полякова на уральском форуме «Кибербезопасность в финансах»: «Мы видим, что каждый месяц дропперами становятся где-то около 80 тыс. российских и иностранных граждан. Их в буквальном смысле слова привозят автобусами к отделениям банков. Выстраиваются две очереди: одна – на получение банковской карты, а вторая – уже на закрытие счёта и вывод заблокированных банками средств.»⁴

² ЦБ отметил, что нерезиденты составляют около 30% всех дропов [Электронный ресурс] Сайт. URL : <https://www.interfax.ru/business/1021342> (дата обращения 30.08.2025).

³ По сведениям портала tadviser.ru «более 60% дропперов – младше 24 лет, а многие становятся ими уже с 14 лет – когда получают возможность открыть в банке счет и завести карту» Число киберпреступлений в России. TADviser. Электронный ресурс. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ 80 тыс. россиян и иностранцев ежемесячно: Центробанк сообщил о масштабах дропперства в РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1437647-dropper-rossiya-centrobank-dengi>

Несовершеннолетние – лица младше 18 лет, чаще всего школьники, с формирующимся мировоззрением и нестабильной системой ценностей. Все три группы нередко не имеют прочных социальных связей, финансово уязвимы, а несовершеннолетние находятся под влиянием окружающей среды, или «уличной», и онлайн-социализации.

Род занятий у пенсионеров может отсутствовать, у мигрантов – это низкоквалифицированный физический труд, у подростков – обучение или временная подработка [10, с.95]. Именно нестабильное или зависимое положение этих лиц делает их мишенью для вовлечения в дропперские схемы.

Пенсионеры и мигранты, как правило, используются организаторами преступных схем в качестве «обнальщиков» – они предоставляют свои счета, снимают наличные, передают деньги третьим лицам. Несовершеннолетние наиболее часто вовлекаются в роли «финансовых посредников» или исполнителей технических операций: установка приложений, регистрация аккаунтов, передача SIM-карт, операций с криптовалютой [11, с.4]. Все эти действия квалифицируются как участие в мошенничестве (ст. 159, 159.3 УК РФ), пособничество в отмывании средств (ст. 174 УК РФ), в отдельных случаях – как организация или участие в преступном сообществе (ст. 210 УК РФ). У многих лиц преступление совершается впервые, в условиях введения в заблуждение или по неосторожности. Мотивом чаще всего выступает стремление к заработку, а в случаях с мигрантами и подростками – подчинение «авторитету» старших или работодателя. Поведение после преступления нередко демонстрирует растерянность, страх, отсутствие понимания последствий. Однако часть несовершеннолетних, особенно при

наличии влияния криминальной субкультуры, может проявлять антисоциальное упорство и рецидивизм.

Пенсионеры в большинстве случаев сохраняют базовые моральные установки и негативно относятся к преступлениям, однако могут попасть под влияние обмана («работа помощником», «вознаграждение за открытие карты»). Мигранты, не интегрированные в российское общество, часто не понимают норм местной правовой системы и воспринимают предоставление своих данных как «услугу», не осознавая преступного характера действия. Несовершеннолетние отличаются несформированным мировоззрением и ситуативным восприятием норм: важную роль играют популярные блогеры, уличные группы, телеграм-каналы. Во всех случаях прослеживается слабое осознание социальной вредности содеянного. Отношение к правовым ценностям у пенсионеров основано на доверии к государству (часто обману поддаются через псевдо-госуслуги), у мигрантов – на правовом нигилизме или полном непонимании, у подростков – на пренебрежении или восприятии права как репрессии.

Интеллектуальные характеристики зависят от группы: пенсионеры могут страдать снижением когнитивных функций, мигранты – барьером языкового и образовательного характера, несовершеннолетние – когнитивной незрелостью. Уровень знаний о праве, цифровой безопасности, ответственности крайне низкий. Эмоционально все три группы уязвимы: пенсионеры склонны к тревожности, внушаемости; мигранты – к депрессии, подавленности; подростки – к импульсивности и подражательному поведению. Волевые качества развиты слабо, особенно в условиях давления или манипуляции. Нередко наблюдается неспособность к само-

стоятельному критическому анализу ситуации и последствий своих действий. Это делает их лёгкой добычей как для дистанционных мошенников, так и для организованных преступных групп.

Социально незащищённые слои общества – пенсионеры, мигранты, несовершеннолетние – представляют собой особую категорию дропперов, характеризующуюся слабой правовой и цифровой осведомлённостью, психологической уязвимостью и высоким уровнем внушаемости. Их вовлечение в преступную деятельность происходит преимущественно по каналам социальной инженерии, через обман, давление или обещание быстрой прибыли. Следователи и оперативные сотрудники должны учитывать особенности этих групп при построении тактики допроса, оценки вины и разработке профилактических мер, в том числе через просвещение, интеграцию и информационную защиту.

Выводы и заключение

Приведенная в представленной статье характеристика личности дроппера как ключевого элемента криминалистической характеристики является основой для разработки методики раскрытия и расследования таких преступлений.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

- криминализация дропперства оправдана не столько борьбой с конкретными видами преступлений (мошенничество, хищения), сколько устранением инструментария преступной экономики – в частности, каналов отмывания, обналичивания и маскировки доходов;

- типология дропперов охватывает множество классификаций (по степени осведомлённости о противоправности действий: «разводные», «неразводные», «частично разводные»; по виду поддерживаемой пре-

ступности: наркоторговля, мошенничество, терроризм и экстремизм; по функциональной роли: «обнальщики», «транзитники», «заливщики»; по механизму перемещения средств (FATF): перевозчики наличности, денежные мулы, криpto-дропперы, юрлица-прокладки);

– социально-психологическая типология дропперов выделяет три ключевые категории (маргиналы – уязвимая группа с низкой социальной и правовой адаптацией, часто вовлекаемая в схемы случайно или под влиянием обстоятельств; фрилансеры – технически грамотные, но юридически неосведомлённые участники, обеспечивающие «цифровую инфраструктуру» преступлений; социально незащищённые слои – пенсионеры, мигранты, несовершеннолетние, вовлекаемые через обман, социальную инженерию и давление);

– психологические и волевые характеристики дропперов существенно различаются по категориям, что требует персонализированного подхода к расследованию, допросу и профилактике.

Дропперство – это не просто технический элемент преступной схемы, а социально обусловленное и многостороннее явление, которое требует

комплексного подхода со стороны науки и практики. Его криминалистическая характеристика невозможна без учёта социальных, психологических и поведенческих факторов, влияющих на вовлечение граждан в преступные схемы.

Разработка методики расследования дропперства должна учитывать, во-первых, разнообразие ролей и степеней осознанности дропперов, во-вторых, социально-демографические и психологические особенности вовлечённых лиц, в-третьих, цифровые и организационные формы преступной деятельности.

Профилактика дропперства должна опираться не только на уголовно-правовые меры, но и на социальную работу, правовое просвещение, цифровую гигиену и интеграцию уязвимых групп в легальный рынок труда.

Таким образом, дропперство представляет собой инфраструктурную угрозу цифровой экономики и социальной стабильности, требующую междисциплинарного подхода и межведомственного взаимодействия при его выявлении, расследовании и предупреждении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волкова, К. Е., Цвигунова, О. С. Кибермошенничество в социальных сетях // Развитие финансового сектора Забайкалья в современных условиях : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Чита, 30 октября 2024 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. С. 15–21.
2. Латышев, А. Б. Уголовно-правовая оценка действий дропперов и дропповодов // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : Сборник научных статей XVIII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования в рамках V Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума "Северная Пальмира: территория возможностей", Санкт-Петербург, 28 мая 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 491–499.
3. Биккинин, И. А., Савельев, Е. М. Практика привлечения к ответственности представителей младшей ступени в иерархии наркобизнеса // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10-3. С. 505–508.

4. Скоромыкина, А. С. Кибермошенничество и новые виды дипфейков и дроппинга // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 118-2. С. 174–177.
5. Макарова, О. А., Волчецкая, Т. С. Глава 4. Профилактика терроризма и экстремизма на современном этапе // Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминалистическое противодействие и профилактика. – Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024. С. 139–165.
6. Ахатова, А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. 2024. №6. С. 1075–1083.
7. Саморай, Н. А., Уkolova, M. A., Романовский, В. А. Проблематика вовлечения молодежи в мошеннические схемы: меры профилактики и противодействия дропам // Финансовая безопасность - новые горизонты : Материалы X Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 19–20 ноября 2024 года. Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2024. С. 769–780.
8. Чеклаукова, Е. Л. Дропперство в банковском секторе // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12. С. 372–373.
9. Жукова, Т. Г., Долгополов, К. А. К вопросу о современных способах легализации имущества, добывшего преступным путем. Гуманитарные и юридические исследования. 2024. 11(3). С. 551–556.
10. Лиценберг, И. И. Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : Материалы Международного научно-практического семинара, Красноярск, 05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 93–97.
11. Сунгатуллин, А. Н. Современные разновидности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, осуществляемого с использованием информационно-коммуникационных технологий // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 января 2024 года. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 268–270.

REFERENCES

1. Volkova, K. E., Tsvigunova, O. S. [Cyberfraud in Social Media]. Razvitiye finansovogo sektora Zabajkal'ya v sovremennyh usloviyah : Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Chita [Development of the Financial Sector in Transbaikalia in Modern Conditions: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference, Chita, October 30, 2024. Irkutsk: Baikal State University]. Irkutsk, Baikal State University, 2024, pp. 15–21. (in Russian).
2. Latyshev, A. B. [Criminal and Legal Assessment of the Actions of Droppers and Drop-Pursuers]. Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty : Sbornik nauchnyh statej XVIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii obuchayushchihsya obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya v ramkah V Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Severnaya Pal'mira: territoriya vozmozhnostej" [Security of the Individual, Society, and State:

Theoretical and Legal Aspects: Collection of Scientific Articles of the XVIII International Scientific Conference of Students of Higher Education Institutions within the Framework of the V St. Petersburg International Youth Scientific Forum "Northern Palmyra: St. Petersburg, May 28, 2025]. St. Petersburg, 2025, pp. 491–499. (in Russian).

3. *Bikkinin, I. A., Savelyev, E. M.* Praktika privlecheniya k otvetstvennosti predstavitelej mlaushej stupeni v ierarhii narkobiznesa [The practice of bringing to justice representatives of the junior stage in the hierarchy of the drug business]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava – Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022, no.10-3, pp. 505–508. (in Russian).

4. *Skoromykina, A. S.* Kibermoshennichestvo i novye vidy dipfejkov i droppinga [Cyberfraud and new types of deepfakes and dropping]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya –Trends in the development of science and education*. 2025, no. 118-2, pp. 174-177. (in Russian).

5. *Makarova, O. A., Volcheckaya, T. S.* Glava 4. Profilaktika terrorizma i ekstremizma na sovremenном etape [Chapter 4. Prevention of Terrorism and Extremism at the Present Stage]. *Terrorizm i ekstremizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti: kriminalisticheskoe protivodejstvie i profilaktika –Terrorism and Extremism as a Threat to National Security: Criminalistic Counteraction and Prevention*. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, 2024, pp. 139–165. (in Russian).

6. *Ahatova, A. M.* Drop kak souchastnik prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej: problemy ugolovno-pravovoj ocenki i pravoprimeneniya [Drop as an Accomplice of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks: Problems of Criminal Law Assessment and Law Enforcement]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. – Vestnik of the Udmurt University*. 2024, no. 6, pp. 1075–1083. (in Russian).

7. *Samoraj, N. A., Ukolova, M. A., Romanovskij, V. A.* [The Problem of Youth Involvement in Fraud Schemes: Preventive Measures and Counteraction to Drops]. *Finansovaya bezopasnost' - novye gorizonty : Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Financial Security [New Horizons : Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference of the International Network Institute in the Field of AML/CFT, Moscow, November 19-20, 2024]*. Moscow, 2024, pp. 769–780. (in Russian).

8. *Cheklaukova, E. L.* Dropperstvo v bankovskom sektore [Dropperstvo in the banking sector]. *Sovremennye tekhnologii i nauchno-tehnicheskij progress. – Modern technologies and scientific and technical progress*. 2025, no. 12, pp. 372–373. (in Russian).

9. *ZHukova, T. G., Dolgopolov, K. A.* K voprosu o sovremenyyh sposobah legalizacii imushchestva, dobytogo prestupnym putem. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. [On the issue of modern methods of legalization of property acquired by criminal means. Humanitarian and legal research]*. 2024, no. 11(3), pp. 551–556. (in Russian).

10. *Licenberg, I. I.* [Countering the Drug Threat at the Present Stage: Legal and Socio-Humanitarian Aspects]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara, Krasnoyarsk, 05 aprelya 2024 goda [Proceedings of the International Scientific and Practical Seminar, Krasnoyarsk, April 5, 2024]*.Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, pp. 93–97. (in Russian).

11. Sungatullin, A. N. [Modern Varieties of Involving Minors in Crimes Committed Using Information and Communication Technologies]. Strategii ustojchivogo razvitiya: social'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty : Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Cheboksary, 25 yanvarya 2024 goda. [Strategies for Sustainable Development: Social, Economic, and Legal Aspects : Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, January 25, 2024]. Cheboksary, 2024, pp. 268–270. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волосевич Игорь Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Volosevich, candidate of in Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Operational-Investigative Activities and Special Equipment. Kikot Moscow University of the MIA of Russia. 12, Academician Volgina St., Moscow, Russian Federation, 117997.